УДК 343.3(091) https://www.npzhdialog.ru/22-2026

Приговоры политическим преступникам в России от Екатерины I до Екатерины II: историко-правовой очерк

Упоров Иван Владимирович,
Российская академия естествознания, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, uporov@list.ru

Аннотация. В статье представлен историко-правовой очерк, в котором дается характеристика приговоров за совершение преступлений против государства в послепетровский период XVIII в., начиная с Екатерины I и заканчивая Екатериной II. Анализируются соответствующие правовые акты, определявшие порядок вынесения приговоров по уголовно-политическим делам, их содержание и другие особенности (в виде императорских указов, манифестов, «сентенций»), а также научные труды, в которых затрагивается данная тема. Приговоры рассматриваются в контексте социально-политической ситуации, складывавшейся в стране. Отмечается, что по важным политическим делам приговоры определялись судебными коллегиями (комиссиями), но окончательное решение было за монархом, при этом исход дела был известен заранее, учитывая, что судебные коллегии назначались опять же верховной властью. Приговоры, как правило, были жесткими (смертная казнь, телесные наказания, ссылка на длительные сроки). Тем не менее в целом в рассматриваемый период сложился вектор на смягчение уголовных санкций, и прежде всего это касалось телесных наказаний.

Ключевые слова: политические преступники, приговоры, преступления против государства, указ, судебная коллегия, экстракт, Екатерина.

В рассматриваемый период по значимым уголовно-политическим делам решением монархов для проведения следствия и вынесения приговора создавались специальные временные судебные комиссии (коллегии), состав которых определялся императором (императрицей). Так, в деле государственных преступников (П. А. Толстого, А. М. Девьера и др.) специально созданная под руководством Г. И. Головкина судебная комиссия должна была, согласно указу Екатерины I, в начале мая 1727 г. подготовить приговор («сентенцию») и доложить ее императрице. Судей при этом торопили: «А буде что еще из оных же действий, которые уже приличились следованием, не окончено, и то за краткостию времени, оставить» [1, с. 194], т. е. предписывалось прекратить следствие на тех эпизодах, оценка по которым была уже дана на основе проведенных следственных действий. Как видно, для определения приговора созывалась коллегия из чиновников, а затем этот приговор предстояло утвердить императрице.

Вот еще примеры. Делом князя Д. М. Голицына занимался в 1736–1737 гг. «Вышний суд». В указе по этому поводу отмечалось, в частности, что «Князя Дмитриева за противности, коварства и безсовестные вымышленные поступки, а наипаче за противные и богомерзкие слова, по всем Христианским правам, артикулам и указам, собранные для того Министрами, Сенаторами Вышнего Суда, Членами Генералитетов и Колежскими Президентами осужден, по отнятию у него чинов и Кавалерии, казнить смертию, и движимые и недвижимые имения отписать на Нас» [2]. Такой приговор вынес «Вышний суд». Но Анна Иоанновна как императрица этот приговор скорректировала: «И хотя он Князь Дмитрий смертной казни и достоин, однако ж Мы, Наше Императорское Величество, по Высочайшему Нашему милосердию, казнить его Князя Дмитрия не указали, а вместо смертной казни повелели послать его в ссылку в Шлиссельбург, и содержать под крепким караулом… и о том публиковать всем Нашем Государстве печатными указами, чтобъ всякого и достоинства люди были известны, о таких худых и Богу и Нам, также и Государству Нашему, противных и непотребных поступков остерегались, во всем бы поступали по чистой своей совести и по присяжной должности, как в том предъ Богом и предъ всем честнымъ светомъ ответъ дать должны» [2].

Такой подход в рассматриваемый период, как и в последующие годы Российской империи, будет встречаться нередко: суд (судебная коллегия, судебная комиссия) выносит строгий приговор, но монарх проявляет «милосердие» и смягчает его, выставляя себя в выгодном для общества виде.

В другом примере дело Долгоруких в 1739 г. рассматривало «генеральное собрание ко учинению надлежащего приговора». Состав его, как и проект самого приговора, заранее был определен в докладе Остермана и Ушакова, который был представлен императрице Анне Иоанновне. В приложенном к докладу «Реестре, кому в собрании быть» сказано кратко: «Кабинетные министры. Трое первые синодальные члены. Сенаторы все». Однако кроме трех кабинет-министров (А. М. Черкасского, Остермана и А. П. Волынского), церковных иерархов, сенаторов в «Генеральное собрание» были включены обер-шталмейстер, гофмаршал, четыре майора гвардии, фельдмаршал И. Ю. Трубецкой, три генерала, а также восемь чиновников из разных коллегий. Указ о созыве этого собрания от 21 октября 1739 г. гласил следующее: «Понеже по следствию князь Иван Алексеев сын, князь Василий Лукин сын, князь Сергей и князь Иван Григорьевы дети Долгорукие, забыв страшный и неизбежный суд Божий и, презря присягу свою, в государственных безбожных тяжких преступлениях и злодейских воровских замыслах, и намерениях явно обличены, и сами в том винились… о которых оных Долгоруких важных винах и преступлениях из имеющегося в нашей Тайной канцелярии о них дела, учинено обстоятельное изображение, того ради, для суда оных Долгоруких в таких их тяжких винах, как по бо-

жеским, так и по государственным нашим правам, указали мы учредить Генеральное собрание, состоящее из персон, в приложенном при сем реестре означенных и оному Генеральному собранию вышеобъявленное в Тайной нашей канцелярии об их, Долгоруких, тяжких преступлениях, учиненное обстоятельное изображение для решения и учинения приговора сообщить. И для того, тому от нас учрежденному Генеральному собранию всемилостивейше повелеваем, чтоб для сего дела, сего октября 31-го дня, в сенатские апартаменты собрались и, по выслушивании того изображения и совестном в тех преступлениях рассуждении, учинить генеральный приговор» [3, с. 743].

«Генеральный» приговор был суров, по этому поводу был издан отдельный указ от 12 ноября 1739 г., в котором, в частности, говорилось: «…за такие их Долгоруковыхъ безбожныя злодейственныя Государственныя тяжкие вины, по силе всехъ Государственныхъ правъ, публично казнить смертию: Князя Ивана Алексеева сына колесовать и отсечь голову, а Князю Василию Лукину сыну, Князю Сергею и Князю Ивану Григорьевымъ детямъ отсечь головы жъ, которая казнь при народном собрании в Новгороде имъ и учинена…» [4]. Как и в предыдущем случае, Анна Иоанновна проявила «природное Императорское милосердие», и другим смертную казнь заменила ссылкой «в разных местах до смерти их неисходно».

Между тем в период абсолютистской власти, характерной для России того времени, император (императрица) как глава государства вполне имел полномочия решить вопрос о степени наказания единолично, не прибегая «к услугам» своего ближайшего политического окружения, — закон не ограничивал монарха. Но все же монарх не мог не опираться на суждения своего окружения и, главное, основой для принятия конечного решения были материалы проведенного сыска, и так было не только в послепетровский период, но и в период правления самого Петра I. Объяснение этому прежде всего в том, что, несмотря на безграничные полномочия, император все же опасался возможных оппозиционных выступлений политического истеблишмента, вплоть до заговоров против собственной персоны, и история показывает, что такие опасения не были напрасными. И вот для того, чтобы в какой-то степени еще больше связать руки своим политическим сподвижникам, российские монархи привлекали их для определения приговора по государственным преступникам. Кроме того, судебные коллегии нужны были монархам и для того, чтобы показать подданным свою гуманность: вот, дескать, судебная коллегия определила смертную казнь, а монарх, проявляя человеколюбие и доброту, смягчает наказания, допустим, ссылкой в каторгу.

Указанные судебные коллегии (комиссии) по результатам следствия обычно представляли отмеченные выше «экстракты» (краткое изложение дела, во многом сходное с обвинительным заключением), которые представлялись руководителем органа политического сыска непосредственно монарху. Так, в указе Екатерины I от 8 декабря 1726 г. по делу Родышевского и Прокоповича сказано, что императрица, «слушав сей выписки, по докладу тайного действительного советника и кавалера князя Ивана Федоровича Рамодановского, указала…» и далее следовал сам приговор. В конце же документа написано: «Сей Ея и. в. имянной указ сказал и записать приказал Рамодановский» [5, с. 51]. Подобные экстракты (выписки) докладывал императрице Екатерине I из Тайной канцелярии и А. И. Ушаков. Так, по одному из дел «1725 году июля в 30 день Ея величество… изволила слушать три экстракта, сочиненные в Тайной розыскных дел канцелярии… из оных по первому Ея и. в. указала учинить: Вымокова — казнить, Антипу Щеглова, Захария Игнатьева — по наказанью кнутом, с выниманием ноздрей послать в вечную каторжную работу в Рогервик; Ивана Щеглова — в старцы и в крепкий монастырь» [6, с. 31]. Позже, по делу Погуляева сохранилась копия протокольной записи о приговоре, вынесенном императрицей Анной Иоанновной: «1733 г., генваря 31. В Канцелярию тайных розыскных дел генерал… Андрей Иванович Ушаков объявил, что по учиненной в Тайной канцелярии выписке и по объявленному под тою выпискою Тайной канцелярии определению… докладовал он, генерал и ковалер, Ея и. в. и Ея и. в., слушав оной выписки и определения, соизволила указать в учинении оному Погуляеву за показанную ево вину смертной казни» [7].

Такого рода примеры показывают большое влияние руководителей и других высокопоставленных чиновников органов политического сыска на судьбы обвиняемых в совершении преступлений против государства и на приговоры за их совершение. Нередко не только достаточно было их краткого доклада верховному судье (монарху) для вынесения окончательного приговора, но и они сами получали делегированные полномочия выносить окончательные приговоры. Так, в отмеченном примере (по делу Погуляева) одной лишь резолюцией государыни, записанной со слов Ушакова, преступник был приговорен ни много ни мало к смертной казни. В деле Вестенгарт и Петровой (1735 г.) приговор был оформлен несколько иначе. Все тот же А. И. Ушаков подал императрице Анне Иоанновне экстракт дела и свое предложение: «Не благоугодно ли будет по милосердию Вашего величества вместо пытки и смертной казни учиненной Яганне жестокое наказание кнутом и сослать в Сибирь в дальний монастырь и содержать там ее в том монастыре неисходно и пищу давать против того монастыря монахинь». В тот же день он получил собственноручную краткую резолюцию государыни: «Вместо кнута бить плетьми, а в протчем быть по вашему мнению» [8, с. 556]. Впрочем, разногласия между руководством сыска и монархом вряд ли носили сколько-нибудь принципиальный характер: с большой долей вероятности эти вопросы согласовывались заранее.

В важных случаях при Анне Иоанновне решение Кабинета министров представляли государыне, и она подписывала подготовленную заранее резолюцию, например, по делу Столетова: «Столетова казнить смертию, Белосельского послать немедленно за караулом на вечное житье… Анна» [9, с. 10]. А затем уже все это решение облекалось в виде манифеста, предназначенного

для публикации: «Юный Столетов… не токмо б от таких злодейственных своих поступков воздержания в себе имел, но еще великие, изменнические, злодейственные замыслы в мысли своей содержал и некоторые скрытные речи дерзнул другим произносить и грозить, також и в прочих преступлениях явился, как о том по делу явно, в чем он сам, Столетов, с розысков винился, того ради, по указу Е. и. в. по силе государственных прав, велено оного Столетова казнить смертью — отсечь голову» [9, с. 26]. Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что делается ссылка на «силу государственных прав». В данном случае явно имеются в виду нормы Соборного уложения 1649 г. и Артикула воинского 1715 г., в соответствии с которыми за обозначенное преступление полагалась смертная казнь, и тем самым власть стремилась показать обществу законность своих действий.

По некоторым делам в качестве судебной коллегии по первой инстанции выступал в целом весь Сенат. Так, 20 января 1741 г., после завершения допросов А. П. Бестужева-Рюмина, сообщника свергнутого регента Бирона, появился указ правительницы Анны Леопольдовны председателю ведшей расследование «Генералитетской комиссии» Г. П. Чернышову. Ему поручалось составить «Обстоятельный экстракт» о Бестужеве, явившемся «в зело тяжких преступлениях и винах и злых и вредительных намерениях». Этот документ следовало доставить в Сенат и там, «учиня заседание… судить его, Бестужева-Рюмина во всем том по силе наших прав и указов и подписав сентенцию для высочайшей конфирмации, подать нам немедленно». Как видно, здесь приговор определял Сенат [10, с. 202]. Что касается самого Бирона, то из указа Анны Леопольдовны тому же Чернышову от 5 апреля 1741 г. видно, что следственная комиссия по делу Бирона была преобразована в суд: «Повелеваем нашей учрежденной Комиссии в тех его преступлениях судить по нашим государственным правам и чему б подписать сентенцию, подать нам на апробацию» [10, с. 209]. Шесть назначенных генералов и двое тайных советников приговорили Бирона к четвертованию, однако правительница заменила бывшему регенту казнь ссылкой в Сибирь [11, с. 38]. Но довольно скоро участвовавшие в суде над Бироном А. И. Остерман, Б. Х. Миних, М. Г. Головкин, а также другие чиновники после захвата власти Елизаветой Петровной (25 ноября 1741 г.) сами стали обвиняемыми. Созданная по указу новой императрицы следственная комиссия провела допросы опальных вельмож и подготовила экстракты из их дел. Затем 13 января 1742 г. последовал императорский указ Сенату, в котором сказано, что по расследованию комиссии «некоторые явились во многих важных, а особливо против собственной нашей персоны и общаго государства покоя, преступлениях», и их дела передаются в суд, назначенный императрицей. В него вошли сенаторы и еще 22 сановника. Они, согласно указу, должны были преступников «по государственным правам и указам судить и чему кто из них, за их важнейшия и прочия преступления надлежит — заключить сентенцию и подписав оную, для высочайшей нашей конфирмации, подать нам, и нашему Сенату повелеваем учинить по сему нашему указу». В том же указе сказано, что сентенцию-приговор нужно составить по экстрактам дел преступников [12, с. 223].

В приговорах по делам о государственных преступлениях присутствовал традиционный для того времени перечень уголовных наказаний, а именно смертная казнь, телесные наказания, ссылка в каторжные работы, ссылка на житье, конфискация имущества. В этом смысле ответственность за политические преступления не отличалась от ответственности за общеуголовные преступления. Вместе с тем по политическим делам наказание зачастую приобретало свою специфику в виде так называемой «политической смерти». В докладе Сената, одобренном Елизаветой Петровной в марте 1753 г., уточнялось, что политическая смерть — это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнутование, вырывание ноздрей, но без объявления помилования [13].

Нередко в приговорах по уголовно-политическим делам значилась ссылка в каторжные работы. В этой связи следует заметить, что данное наказание достаточно активно развивалось в послепетровский период. Государство также по-прежнему эксплуатировало труд осужденных преступников, хотя и в несколько меньших масштабах. Что касается телесных наказаний, то они в истории российского уголовного права как вид уголовного наказания за совершенное государственное преступление применялись, если сравнивать с развитыми европейскими странами, довольно долго. Так, А. Г. Тимофеев, исследовавший историю телесных наказаний, объяснял их развитие и распространение в России быстрым процессом закрепощения крестьян, принижением положения личности, отсутствием уважения к ее правам, грубостью нравов, подражанием «образцам татарской юстиции», и в целом до половины XVIII в. «русское общество основывалось на страхе и битье в разнообразных формах». Все это привело к тому, что телесные наказания не воспринимались населением как позорящие или лишающие чести [14]. Такое положение во многом объясняет противоречивую ситуацию начала XIX в., когда при производстве следственных действий была, наконец, отменена пытка как средство добывания показаний обвиняемых, но вместе с этим сохранялись телесные наказания, которые по своим объективным признакам (особенно битье кнутом) не отличались от пыток.

При этом изувечивающие наказания преследовали цели возмездия и устрашения; и все же в XVIII в. сфера применения постепенно суживается путем введения относительно менее жестоких орудий наказания, что отражало гуманитарное направление в развитии уголовной политики государства. В частности, указом 1757 г. было запрещено клеймить и рвать ноздри у осужденных женщин. Здесь же следует заметить, что при Елизавете Петровне предпринимались некоторые попытки улучшить положение содержащихся в местах лишения свободы. Указом Елизаветы Петровны от 15 декабря 1741 г. осужденным к смертной казни

даровалась жизнь с заменой казни ссылкой в каторжные работы. Тогда же начинается целенаправленное теоретическое осмысление уголовного наказания. Так, государственный деятель, современник императрицы И. В. Лопухин, в частности, отмечал, что «предмет наказаний должен быть исправление наказуемых, и удержание от преступлений. Жестокость в наказаниях есть только плод злобного презрения человечества и одно тиранство» [15, с. 76]. В другом месте, говоря о политических преступниках, он писал: «Тесным и тягостным в темницах содержанием угнетать таких людей, которые иногда и по основательным причинам осуждаются на заключение под стражу тайную, было бы единственно презрение человечества, или месть, не терпимая не только правилами Христианства, но и самого великодушия». В практике вынесения и исполнения приговоров по политическим делам такая политика выражалась не только в общем расширении гуманности к преступникам, но и в более четко выраженной индивидуализации наказания виновным. Причем действовавшие уголовные законы не содержали соответствующих норм (и как раз складывающаяся правоприменительная практика по этим делам давала возможность в последующем обобщить их в Своде законов уголовных при создании Свода законов Российской империи 1832 г.).

В целом приговоры по политическим делам по сравнению с Московским государством, если иметь в виду все дела о государственных преступлениях, в рассматриваемый период постепенно смягчались. Это хорошо видно по эпохе Екатерины II, которая в своем «Наказе Уложенной комиссии» заявляла принцип гуманности как одну из составляющих своей государственно-правовой стратегии. Вместе с тем декларации на эту тему по особо значимым и чувствительным для верховной власти государственным преступлениям отнюдь не препятствовали вынесению жестоких приговоров. Тому же «злодею» Емельяну Пугачеву судейской коллегией, назначенной Екатериной II (под председательством П. С. Потемкина), 10 января 1775 г. был вынесен приговор («сентенция»): «Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь». Тем же приговором к смертной казни (разными способами исполнения) были приговорены А. П. Перфильев, М. Г. Шигаев, Т. И. Подуров, В. И. Торнов, И. Н. Зарубин-Чика. Комментируя этот приговор, Р. В. Овчинников отмечает, что «судьи, вынося свой беспримерный по жестокости приговор, лицемерно заявляли, что при определении судьбы обвиняемых они руководствовались «милосердием императрицы», ее «сострадательным и человеколюбивым сердцем», «законом и долгом», которые требуют «правосудия, а не мщения» [16, с. 27]. В этом акте указывалось, в частности, что «хищное сердце злодея Пугачева, разсмотря вражду помянутых казаков, возбудило сего богомерзкого предателя возжечь и разлить в смущенных умах пламень бунта… Повсюду, где только сей предатель коснулся следы варварства его остались… явил себя врагом всему человеческому роду» [17] — и далее в таком же стиле (этот стиль имеет определенное сходство с приговорами в отношении «классовых врагов»-контрреволюционеров в годы сталинского правления).

Екатерина II, проявив «милосердие», распорядилась не мучить преступника: не четвертовать сразу, а сначала отрубить ему голову, и только потом четвертовать уже мертвое тело. После того как казнь была произведена, отрубленные члены четвертованных мятежников, включая Пугачева, были разнесены по московским заставам и несколько дней спустя сожжены вместе с телами, пепел развеяли по ветру. Также было решено при всем народе сжечь дом Пугачева на Дону в Зимовейской станице, оставшийся пепел рассеять, а само место окопать рвом, «оставя на вечные времена без поселения». Все это было исполнено 6 февраля 1775 г. А манифестом Екатерины II от 17 марта 1775 г. [18] все дела о движении под руководством Пугачева были преданы «вечному забвению и глубокому молчанию». Как видно, власть, когда создавалась угроза ее существованию, шла на самые жесткие меры в отношении покушавшихся на эту власть, переступая через свои же гуманистические идеи и применяя исключительно суровые и мучительные для того времени наказания.

Следует в этой связи заметить, что Пугачев был осужден судом на основе проведенного предварительного следствия, в соответствии с действовавшими тогда законами, включая формирование состава суда, соблюдение судебных процедур, публичное исполнение приговора и т. д., т. е. в основном в соответствии с общепринятыми для того времени принципами судопроизводства, и о произволе здесь говорить не приходится. Однако Пугачев стал в России первым государственным преступником, который впоследствии стал национальным героем в этой же стране, уже в СССР. Именем Пугачева назван город Пугачев, поселок, ему установлен памятник (в г. Саранске, а также монумент в с. Чесноковка Оренбургской области), в его честь выпущены почтовые марки, во множестве городов имеются улицы имени Пугачева, и в официальных и учебных материалах как СССР, так и современной России (хотя и с большей политической нейтральностью) Пугачев характеризуется как предводитель крупнейшего в стране казацко-крестьянского восстания, поднятого против тирании самодержавия и за права эксплуатируемого властью народа, и в целом в позитивной коннотации — но никак не государственный преступник (хотя формально приговор до сих пор не отменен). Так что, как видно, «вечного забвения и глубокого молчания», как предписывала и в чем, вероятно, была уверена Екатерина II, не получилось.

Этот феномен объясняется прежде всего сложившимися противоречиями между, с одной стороны, общей тенденцией развития человеческого сообщества, характеризуемой повышением социальной значимости каждой личности, ее естественных прав и свобод, стремлением к большей демократичности общественных отношений, — и, с другой стороны, позицией действующей власти (правящего класса), занимающей консервативную позицию, не желая расставаться с привилегиями-богатствами

и признавать социальное равенство всех граждан. Так было, вероятно, во всех странах, в т. ч. в той же Европе, где имели место буржуазные революции и где восставшие на основе немедленно принимавшихся новых законов так же публично рубили головы еще вчера могущественным королям, в легитимности которых, казалось бы, не было сомнений. В России была своя специфика, и в то время (вторая половина XVIII в.) на плаху выводили не побежденного короля, как в Европе, а побежденного вождя восстания.

Примечания

1. Судные процессы XVII–XVIII вв. по делам церкви // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1882. Кн. 3.

2. Указ от 09.01.1737 «О преступлениях Князя Дмитрия Голицына, и о ссылке его за оные в Шлиссельбург с описанием в казну всего его движимого и недвижимого имущества» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. X. N 7151.

3. Князья Долгоруковы в 1730–1740 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23.

4. Указ от 12.11.1739 «О преступлениях Князей Долгоруких; о казни, учиненной тягчайшим из них преступникам и об отправлении прочих в ссылку» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. X. N 7942.

5. Дело о Феофане Прокоповиче // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 1.

6. Веретенников В. И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.

7. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 299.

8. Есипов Г. В. Яганна Петрова, камер-медхен Екатерины 1-й // Исторический вестник. 1880. N 3.

9. Семевский М. И. Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761 гг. // Русская старина. 1875. Т. 12.

10. Материалы, касающиеся до суда над Бироном и ссылки его 1740 годов // Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб., 1872.

11. Дело о курляндском герцоге Эрнсте-Иоанне Бироне // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1862. Кн. 1.

12. Изложение вин графов Остермана, Миниха, Головкина и других, осужденных в первые месяцы вступления на престол императрицы Елизаветы Петровны // Исторические бумаги, собранные К. И. Арсеньевым. СПб., 1872.

13. Указ от 29.03.1753 «О именовании политическою смертию: взведение на виселицу, или положение головы на плаху, и о представлении в Сенат экстрактов их дел, по которым преступники присуждаются к натуральной или политической смерти, не приводя приговора в исполнение» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XIII. N 10087.

14. Тимофеев А. Г. История телесных наказаний в русском праве. СПб., 1904.

15. Лопухин И. В. Записки сенатора И. В. Лопухина. Лондон, 1860.

16. Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым // Вопросы истории. 1966. N 3.

17. Сентенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников (10.01.1775) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XX. N 14233.

18. Манифест от 17.03.1775 «О высочайше дарованных разным состояниям милостях по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XX. N 14275.

English version

Sentences for political criminals in Russia from Catherine I to Catherine II: a historical and legal essay

Uporov Ivan Vladimirovich, Russian Academy of Natural History, doctor of sciences (history), candidate of sciences (law), professor

This article presents a historical and legal essay characterizing sentences for crimes against the state in the post-Petrine period of the 18th century, beginning with Catherine I and ending with Catherine II. It analyzes the relevant legal acts that determined the procedure for sentencing in criminal-political cases, their content and other features (in the form of imperial decrees, manifestos, and “sentences”), as well as scholarly works that address this topic. The sentences are examined in the context of the socio-political situation that was developing in the country. It is noted that in important political cases, sentences were determined by judicial panels (commissions), but the final decision rested with the monarch. The outcome of the case was known in advance, given that the judicial panels were appointed by the supreme authority. Sentences were typically harsh (death penalty, corporal punishment, exile for long terms). Nevertheless, overall, during the period under review, a trend toward mitigating criminal sanctions emerged, particularly with regard to corporal punishment.

Keywords: political criminals, sentences, crimes against the state, decree, judicial panel, extract, Catherine.